

«Одна из главных задач Церкви – гармонично соединить свое традиционное мировоззрение с современными взглядами на мир»

Беседа с протоиереем Кириллом Копейкиным

С 29 по 30 апреля в Санкт-Петербурге проходит конференция «Происхождение мира и человека: научный и богословский взгляд», организованная Научно-богословским центром междисциплинарных исследований совместно с Санкт-Петербургской духовной академией. Эта конференция является первым шагом начинающегося активного диалога между Церковью и научным миром, цель которого – донести друг для друга свои мировоззренческие позиции. Руководит работой конференции [протоиерей Кирилл Копейкин](#), член комиссии Межсоборного присутствия по вопросам богословия, секретарь Ученого совета Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии, кандидат богословия, кандидат физико-математических наук. Для отца Кирилла диалог Церкви и науки является делом всей жизни, он даже служит в [храме Санкт-Петербургского государственного университета](#), в котором, по причине нахождения там Музея истории университета, иконы соседствуют с фотографией безбожника Ленина. О том, как наука помогает познавать и открывать людям Божий мир, отец Кирилл Копейкин рассказывает сайту «Православие.Ру».



Протоиерей Кирилл Копейкин

– Отец Кирилл, каким был ваш путь из науки в Церковь?

– Мне с детства казалось, что надо познать истину. Это казалось самым главным в жизни. А поскольку я воспитывался в советской материалистической среде, то для меня это означало: познать, как все устроено. И хотя меня крестили в младенчестве, сразу после рождения, но воспитание было в духе того времени. И поэтому для понимания устройства мира надо было заняться физикой, причем фундаментальной, – теорией ядра элементарных частиц. И потому, когда я поступил в университет, то пошел на кафедру квантовой теории поля, чтобы разобраться все до конца и понять, как все устроено.

Когда я оказался на физическом факультете университета, то случилось болезненное переживание, связанное с тем, что физики вблизи оказались не совсем такими, какими представлялись мне до этого, например не как в фильме «Девять дней одного года».

Многие люди были хорошими профессионалами, но профессионалами – и не больше. А мне казалось, что истинная деятельность должна онтологически менять человека. У многих физиков было отношение к своей профессии просто как к ремеслу. А мне казалось, что там должны быть еще скрыты какие-то сакральные сферы истины. В конце концов поиски истины привели меня в храм. Это было в конце 1970-х годов. Тогда в Церковь тяжело было прийти, отчасти и потому, что советское государство создавало ее образ как чего-то очень наивного и примитивного, что может удовлетворить только невежественных бабушек, но никак не молодых современных людей. И, действительно, поначалу было тяжело, потому что, сидя на лекции по теории квантового поля, я был в конце XX века, а приходя в храм, оказывался в XVI веке. Было сильное внутреннее раздвоение, что давалось очень нелегко.

И сегодня одну из главных задач Церкви я вижу в том, чтобы гармонично соединить традиционное христианское мировоззрение с современными взглядами на мир. Я являюсь членом комиссии Межсоборного присутствия по вопросам богословия. И наша комиссия выделила четыре приоритетных вопроса. Первый из них – это богословское осмысление

происхождения мира и человека. Я являюсь куратором этой темы. Церковь сегодня действительно осознает важность понимания того, как соотносится между собой, с одной стороны, воззрение Церкви, с другой – точка зрения науки. Это соответствие очень сложное, а не линейное, как порой представляется, что шесть дней сотворения мира – это шесть тысяч лет или шесть периодов. Все намного сложнее.

Так что поиски вот этой истины и привели меня в Церковь. Кстати, интересно, что не меня одного. Три года назад мы отмечали 170-летний юбилей основания нашего храма. Я пригласил порядка 20 священников – выпускников университета. Большинство из них изучали естественные науки. Такая тенденция объясняется тем, что наука изначально рождалась как способ познания Бога. В средние века было принято считать, что раз Бог этот мир сотворил, то ученые, исследуя мир, изучают отпечатки Бога. Постигая законы мироздания, мы можем сказать нечто о Творце, Который этот мир сотворил. И то, что мы сегодня называем наукой, в средние века называлось естественной теологией. Именно познание Творца идет через познание творения.

– Как сегодня протекает эта эволюция науки как способа познания Бога? Современная наука помогает познать Бога или, наоборот, встает стеной между Ним и человеком?

– Новоевропейская наука очень сильно отличается от науки средневековой. Средневековая наука изначально возникла в оппозиции Церкви. Сегодня это не до конца осознается даже учеными. Но если мы обратимся к истории, то увидим, что новая европейская наука изначально возникла как новое богословие, противостоящее традиционному. Если традиционное богословие ориентируется на Откровение, на Писание, на предания, толкования святых отцов, то новое богословие толкования книги природы предложило обратиться непосредственно к самому миру. Оно предлагает видеть его таким, каким он есть, не опосредуя никакими толкованиями. Сегодня в скрытой форме присутствует эта двойственность: с одной стороны, познание Творца, с другой – оппозиция к истинной точке зрения. Поэтому и получается, что одни ученые приходят к вере, а другие думают, что наука – это нечто радикально противостоящее Церкви. Сегодня очень многих из этих людей сложно переубедить. Но сегодня мы имеем и совершенно уникальную ситуацию: наука в определенном смысле дошла до некоего рубежа, и мы видим, как появляются новые технологии и наука экстенсивно развивается, но вот какое-то продвижение в глубину остановилось. Был потрясающий прорыв в начале XX века, а потом возникло некое замедление. Это вовсе не моя личная точка зрения. На эту тему существует много работ, достаточно вспомнить книгу Дж. Хогана «Конец науки». Разговоры о том, что наука в традиционном смысле слова подошла к некоему пределу, стали общим местом. А что это означает? Если мы дошли до некоего предела, то прежде, чем двинуться дальше, должны переосмыслить свои исходные предпосылки. А исходные предпосылки – богословские. Мне кажется, что поскольку наука возникла в богословском контексте, то и ее результаты, достигнутые к сегодняшнему моменту, могут обсуждаться сегодня только в богословском контексте.

С другой стороны, сегодня Церковь, чтобы говорить на языке, понятном современному миру, должна, естественно, учитывать ту картину мира, которая создана современной наукой. Мне много раз приходилось сталкиваться с тем, что когда заходит разговор, например, о преподавании основ православной культуры в школе, то первый задаваемый вопрос: «Вы нам будете рассказывать о том, что Бог сотворил мир за шесть дней? Вы будете рассказывать, что человек произошел не от обезьяны, а его Бог из глины вылепил?» Эти бытовые расхожие мнения не имеют практически никакого отношения к традиции Церкви, но это первое, что приходит людям в голову! Сегодня надо пояснить, что церковная традиция намного глубже, чем вот эти наивные представления.

– Кто этим будет заниматься? Пришедшие после школы в семинарию молодые люди?

– Сегодня мы как раз и проводим конференцию, на которой присутствуют преподаватели духовных школ Москвы и Санкт-Петербурга и светские специалисты, занимающиеся этими вопросами. Цель конференции – понять, как взаимодействуют эти точки зрения. Мы сегодня только в самом начале пути. И, конечно, не семинаристы, а люди, достаточно погруженные в традицию, как научную, так и богословскую, могут ответить на эти вопросы.

– Где находится и как работает тот клапан, который определяет для людей, занимающихся наукой, их путь к Богу или в противоположную сторону?

– Этот клапан находится точно не в голове, а, скорее, в сердце. Тот метод, который принят на вооружение современной наукой, называется объективным. Для нас сейчас слова «объективный» и «истинный» являются синонимами. Объективация же означает превращение всего того, что мы исследуем, в некую отстраненную вещь. Например, яблоко может быть красивым или уродливым, вкусным или кислым. Но это все необъективно, потому что существует по отношению ко мне. Качества яблока проявляются по отношению к субъекту. А если я кладу яблоко на весы и сравниваю его с металлической гирей, то могу объективно утверждать, что его вес 100 граммов. Суть объективного метода познания заключается в том, что мы описываем одну часть мира по отношению к другой и ищем форму отношений их качеств. А этот метод познания оказывается неэффективным, потому что мы научились эти формы познания трансформировать в желаемом для нас направлении.

Мы знаем, что такое электричество, но не знаем, почему существуют два электрических заряда, а не один, как в гравитации, где отрицательной массы не бывает. Но при этом, не понимая в нем того, что Аристотель назвал сущностью, мы прекрасно им пользуемся: освещаем дома, эксплуатируем электродвигатели и т.д. Так вот, если человек придерживается точки зрения, что есть только то, что объективно, и доводит эту мысль до конца, то он приходит к мысли, что души нет, потому что ее объективно нельзя померить. При всей мощности объективного познания что реальность собственной души, что реальность души другого, что реальность существования Бога оказываются вынесены за скобки этого метода. Но мне кажется, что человек, который привык додумывать до конца, понимает, что есть что-то дальше этого метода познания. Вот с этого момента и начинается путь к Богу.

– Насколько далеко может зайти развитие науки? Вы как-то озвучили мысль, что на каком-то этапе история может стать частью физики.

– Это была шутка, но лишь отчасти. Дело в том, что с точки зрения физики те явления, которые произошли, существуют в четырехмерном пространстве, а не в трехмерном. В описываемой теорией относительности Эйнштейна прошлое не умирает, а сохраняется. То есть всегда существует система отсчета, в которой то, что для нас прошло, есть сейчас. Но эта система отсчета может двигаться с очень большой скоростью. Например, если мы запустим ракету, которая будет лететь с огромной скоростью, близкой к скорости звука, то через некоторое время она, выражаясь условно, догонит те события, которые были сто лет назад. И вот в этом смысле история становится частью физики. В принципе, можно было бы увидеть то, что уже произошло, но реально вряд ли мы этого достигнем. Ограничения связаны с тем, что для создания такой системы нужно огромное количество энергии. Поэтому мы просто физически не сможем сделать этого.

– Как развитие науки помогает ученым открывать, рассматривать божественный мир?

– Смотрите, к чему пришла современная наука. Поскольку я физик, то обращаю внимание на две ключевые теории. Теория относительности, сначала специальная, потом общая, потом из общей теории относительности возникает космология, потому что пространство и время имеют координаты, значит, можно поставить вопрос о начале мира. И космология, собственно,

возникает как плод общей теории относительности. Сегодня космология задается вопросом: а что же было в начале? То есть физика подходит к началу. И мы видим, что при исследовании этого начала все более значимыми становятся некие метафизические предпосылки, которые мы вкладываем в нашу науку. Они метафизические в том смысле, что находятся за пределами обычного физического знания. А конечном итоге они-то теологические. Кстати, интересно, что в рамках нашей конференции выступит директор Института прикладной астрономии РАН Андрей Михайлович Филькенштейн, который расскажет о современных представлениях о происхождении мира. С одной стороны, физика подошла к этому началу; с другой стороны, в квантовой механике мы обнаруживаем совершенно удивительные вещи: мир не является материальным в том наивном смысле, как он представлен школьными знаниями. В квантовой механике стали понятны два принципиальных момента. Первый вот какой. Объективная точка зрения постулирует, что качества существуют у мира независимо от того, смотрю я на него или нет. Вот это мы вкладываем в понятие объективности: я отвернулся – а предмет все тот же. А в квантовой механике это не так: некоторые свойства микрообъектов не существуют вне измерений. Такие объективные свойства, как положение в пространстве или скорость движения, не существуют, если не измеряются. Они появляются только в момент измерения, причем, что больше всего потрясает, в последней четверти XX века это было проверено экспериментально. Это касается не всех качеств: масса частицы объективна независимо от измерений, заряд тоже, а вот координаты или импульс зависят от измерений. Если перевести на доступный язык, то это означает, что качества появляются оттого, что наблюдатель включен в этот мир. Если в классической физике рассматривается мир, который существует независимо от нас, то теперь мы понимаем, что каким-то образом мы включены в реальность, и это удивительно напоминает библейское повествование о наречении имен тварям, что Господь повелевает в раю Адаму. Что там имеется в виду? Традиционно наречение имен тварям понимается в двух смыслах: во-первых, обретение власти над именуемым, потому что высший дает имя низшему; во-вторых, как познание мира. Смотрите, какой происходит процесс: Бог творит мир словом Своим, а Адам, нарекая имена тварям, постигает их суть и обретает над ними власть в присутствии Бога. То есть окончательно мир приходит в свое существование через наречение именами. Смысл происходящего раскрывает писание: «Как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2: 19).

Один из выдающихся физиков XX столетия Джон Арчибальд Уилер говорил о том, что квантовая механика свидетельствует о соучастии человека в творении Вселенной. И похоже, что для того, чтобы Вселенная была такой, какая она есть, принципиально необходимо наличие наблюдателя, смотрящего на этот мир. Мы понимаем, что мир зависит от человека, что он включен в его жизнь. Это означает, что от того, в каком состоянии находимся мы, зависит состояние окружающего мира.

Второй важный момент следующий. В XIX веке классической физике казалось, что существуют вероятностные события, обусловленные нашим незнанием картины. Представлялось, что если мы будем знать все начальные величины и уравнения, то сможем описать все до самого конца. То есть если Бог всеведущ, то для Него ничего непонятного нет. Получается строго детерминированная картина, потому что все работает по заданной программе, как однажды настроенный механизм. Но тогда возникает вопрос: а есть ли, в таком случае, моральная ответственность? Любой поступок человека, даже убийство, можно было оправдать тем, что частицы так сложились. Но уже в XX веке, благодаря возникновению квантовой механики, люди поняли, что вероятность присуща этому миру, и нет никаких, выражаясь языком физики, скрытых параметров. Мы убедились, что вероятность очень гармонично вплетена в ткань мироздания. Это означает, что в самом мироздании есть зазор для свободы. Интересно, что современная физика в момент своего возникновения была тесно связана с богословием, которое

получило наименование «волюнтаривной теологии», или «теологии воли». Богословы именно этого направления совершили революцию, которая привела к появлению объективного способа познания. Если раньше, начиная с античности, объективное познание было познанием сущности вещей, то этими богословами было предложено отказаться от понятия сущности, потому что она по определению очень сильно укоренена в бытии. Сущность является некоей самобытностью вещи, а значит, является чем-то, что противостоит всемогуществу Творца. Сущность очень сильно укоренена в языческой античной философии. Отказ от понятия сущности приводил к следующему вопросу: а как же тогда возможно познание? Если качества существуют по отношению к субъекту, значит, все они субъективны. Вот и возник объективный метод познания, когда мир описывается не по отношению к человеку, а по отношению одной части к другой. Так вот, в контексте волюнтаривной теологии случайность воспринималась как божественное вмешательство. Поскольку Бог всемогущ, то может вмешиваться во что угодно. Любопытно, что в английском законодательстве существует официальный юридический термин, который называется «вмешательство Бога», – на него списывают что-то случайно происходящее, не вписывающееся в закономерности.

Когда мы, благодаря квантовой механике, обнаружили в начале XX века, что вероятность присуща самому миру изначально по его природе, а не по нашему признанию, то подтвердили то, что называем Промыслом Божиим. Выдающийся английский физик сэр Артур Эддингтон говорил, что религия для физика стала возможна после 1927 года: именно в этом году прошел V Сольвеевский конгресс, где была окончательно сформулирована квантовая механика и стало понятно, что вероятность – это не наше незнание, а способ устройства мира. А поскольку есть вероятность, то есть зазор для действия Бога, поэтому Эддингтон это и отметил.

– То есть лишь появление квантовой механики помогло ученым – через 25 веков после греческих философов-атомистов – открыть для себя Бога!

– Совершенно верно. Интересно, что Э. Шредингер в своей работе, которая называется «2500 лет квантовой теории», возводя ее к греческим атомистам, подчеркивает место происхождения атомизма. Нам в школе это объясняли на примере пляшущих в луче солнца пылинок, но все гораздо сложнее. Не эти пылинки толкнули философов на размышления, а более серьезная онтологическая причина – попытка согласовать существование законов природы с моральной ответственностью. Потому что люди понимали, что жить по принципу «если все предопределено, то я ни за что не отвечаю» не получается. Понимали, что должен быть какой-то зазор для появления свободы. Если бы мы жили 2500 тысячи лет назад, то вера для нас была возможной, если бы мы были атомистами. Потом, в связи с детерминизмом, от нее пришлось рационально отказаться. И вера была в иррациональной области человеческого сознания. Сегодня уже и для рационального человека и ученого вполне возможно быть верующим, и это не противоречит его науке.

– Какие области науки более других приближают человека к Богу?

– Мой опыт говорит, что в первую очередь к вере приходят естественники. Я имею в виду физиков, биологов, то есть тех, кто сталкивается с реальностью. Я думаю, что это закономерно, потому что наука возникла как новое богословие. Богословие книги природы, мироздания. Принципиально важно, чтобы человек понимал, что вне его существует какая-то другая реальность, которая не является результатом его умозрения. Многим со стороны смотрящим на верующих кажется, что верующие являются наивными людьми, строящими какие-то конструкции и доверяющие им. На самом деле это не так. Слово «вера» – по-древнееврейски «эмуна» – происходит от древнееврейского корня «ам», от которого образуется и слово «аминь». Если в русском языке слово «вера» имеет в большей степени значение «доверие», то в древнееврейском в большей степени – значение «верность». То есть речь идет об отношениях,

которые все время проверяются. Вот мы говорим о верности как об отношении, которое должно быть в браке. Это отношения, которые все время выстраиваются. Точно так же речь идет и об отношениях с Богом, которые все время проверяются. Я должен понимать, что есть какая-то реальность вне меня, с которой я все время должен соотноситься.

Когда, например, занимаются лингвистикой, то очень часто возникает искушение: есть разные виды текстов, есть разные точки зрения, и представление об объективности каждой не пропадает. И, скажем, у философов существуют разные конструкции, но которая из них истинная – вопрос вроде бы даже не ставится, главное, что красиво. А вот в естественных науках есть особая мировоззренческая позиция, заставляющая соотносить объект с внешней реальностью. И для веры это, как ни странно, оказывается созидательно. Созидательно то, что мы понимаем: Бог вне нас, и мы Его не придумали.

– Почему же образованные ученые люди, владеющие различным инструментарием для проверки и исследования любых объектов и явлений, зачастую оказываются безграмотными в духовных вопросах?

– Это связано с тем, что и сегодня мы продолжаем жить по инерции в мире, требовавшем от нас узкоспециальных знаний, которые люди могли бы приложить в своей области и этим ограничиться. Мне кажется огромной утратой, что многие естественники, в том числе и я, не получили изначально классического образования. Я помню себя учеником физико-математической школы, прочитавшим в воспоминаниях В.-К. Гейзенберга о том, как он в 1918 году, когда в Германии произошла революция, сидя в патруле, читал «Тимея» (в этой книге говорится о первоэлементах, из которых построен мир) Платона по-гречески. Я поразился тому, что выдающийся физик был настолько хорошо гуманитарно образован, что читал Платона в подлиннике. Платоновские тексты очень сложные, а он не просто их читал, ему было интересно, он пытался понять свои занятия физикой в широком гуманитарном общемировом контексте. Сегодня этого не хватает. Много говорилось о гуманитаризации естественнонаучного знания, но мы забываем, что все творцы науки XX века, совершившие прорывы, получили классическое гуманитарное образование и знали древние языки. Не в самом языке дело, а в том, что он позволяет получить доступ к оригинальным текстам. Эти тексты создают совершенно другую картину мира. Когда мы знаем точку зрения Платона, Аристотеля и сопоставляем их со своей, то происходит расширение сознания. Сегодня для возникновения широкого гуманитарного контекста у естественников необходима богословская компонента образования. Потому что, повторяюсь, не понимая богословского контекста, из которого возникла наука, невозможно понять, как развиваться дальше. Развитие неизбежно, потребность в нем заложена в природе человека, но необходимо понять направление.

– Может быть, достаточно вспомнить традицию, ведь в двух исторических центрах науки – Московском и Санкт-Петербургском университетах – были храмы, которые как минимум напоминали будущим ученым о Боге. К тому же, в университетах преподавали закон Божий.

– Да, храмы были, но это было обусловлено тем, что Православие было государственной религией. Но Церковь, будучи тогда элементом социальной и духовной жизни, была оторвана от жизни научной. Сегодня мы находимся, как ни странно, в гораздо лучшем положении, чем люди XIX века. Тогда наука говорила про одно, а религия – совсем про другое. Сегодня, благодаря тому, что наука далеко продвинулась в чтении книги природы, можно попытаться найти общие точки соприкосновения. Они могут быть следующие. Наука – это взгляд на мир со стороны человека. А в Откровении нам дана другая точка зрения – точка зрения Творца. Да, сейчас многие люди не воспринимают Библию как Откровение, думая о ней как о собрании наивных мифологических представлений о мире. Но можно попробовать использовать научный

гипотетико-дедуктивный метод: допустим, что этот текст оттуда, посмотрим, что из этого следует? Может ли это обогатить наше научное видение мира, и может ли помочь продвинуться дальше, расширить наше восприятие? Вот как раз это может быть исследуемо. Причем, на научном поле. А университет изначально задумывался не просто как собрание факультетов, а ставил своей целью обретение универсального знания, которое включало бы в себя науки и о человеке, и о природе. А богословие – это, в первую очередь, наука о человеке. Что нас собственно отличает от животных? Генетически мы очень с ними близки: я от червя отличаюсь всего пятнадцатью процентами генома, а от шимпанзе – полутора. Тогда что характерно для человека? Религиозность. А она проявляется, если говорить об уровне, который можно «пощупать», в языке. Об этом и говорят исследователи: язык нас радикально отделяет от животных.

В нашей конференции принимает участие главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН профессор Александр Григорьевич Козинцев. Он заметил, что с какого-то момента человек двинулся в сторону от природы. В сторону в том смысле слова, что если для животных сохраняемой единицей является вид, то для человека – индивид. То есть неважно, сколько кроликов погибнет, главное, чтобы вид сохранился. А человек в ущерб виду начинает спасать каждого отдельного ребенка, даже недоношенного и еще не родившегося. Козинцев говорит, что это произошло благодаря тому, что на человека в какой-то момент сверху обрушился язык, и человек стал человеком.

– Как секретарь Ученого совета Санкт-Петербургской духовной академии, вы можете оценить состояние духовных школ. Насколько их выпускники готовы отвечать на вопросы времени?

– Очень сложно вместить все. Сегодня учебное расписание настолько насыщено необходимыми богословскими предметами, что включать какие-то новые очень тяжело. Хотя сейчас ситуация довольно сильно отличается от той, что была 20 лет назад, когда я учился. Сегодня есть и культурология, и социология. Я преподаю апологетику, в первую очередь естественнонаучную. На занятиях мы обсуждаем вопросы, связанные с отношениями научного и богословского знания. Второй предмет, который я преподаю, – это христианская антропология. Он о том, как видится мир с христианской точки зрения и как видит его современная наука. Поэтому сегодня, даже несмотря на недостаток времени, семинаристы находятся в лучшей ситуации, чем выпускники университета, потому что они владеют и своими профессиональными знаниями, и теми, которые приходят из внешнего по отношению к Церкви мира. А вот другое дело, если бы в университете читался курс богословия, даже не в плане какого-то нравоучения, а просто потому, что студенты должны быть знакомы с этим предметом, чтобы понимать тот широкий контекст, в котором формировалась европейская культура.

– В ближайшее время можно ожидать каких-то научных открытий, которые могли бы маловероятным образом помочь поверить в Бога?

– Я не думаю, что открытия играют здесь какую-то роль. Каждый идет своим путем к Богу, и Господь каждому открывается по-своему. Не нужно искать подтверждения веры через науку. Дело не в этом. Задача стоит в том, чтобы научные знания каждого человека помогли ему расширить картину Бога, обогатить ее. Бог с нами вступает в постоянный диалог. Раз мы Его называем Отцом и относимся к Нему как к Отцу, то и Он хочет от нас, как от Своих чад, чтобы мы повзрослели, так же как и мы хотим этого от своих детей. Он хочет, чтобы то огромное научное знание, которым располагает сегодняшнее общество, обогатило наше представление о Нем. Если религиозная картина будет шире, то это может открыть новые действия Бога в нас. Вот в этом главная задача. Если человек зашоривает себя какими-то рамками, то он отторгает от себя многие пути, которыми мог бы прийти к Богу.

– В начале нашей беседы вы сказали, что пришли в Церковь, которой был навязан советской властью образ невежества. Что сегодня Церковь может сделать, чтобы разрушить это «наследство»?

– Человеческое сознание, к сожалению, инертно. Но если мы будем воспитывать хороших, умных, достойных священников, то этот образ уйдет сам собой. Большинство из тех священников, которых я знаю, пришли в Церковь, потому что было что-то такое, что заставило нас посвятить себя служению Богу. Это не работа, а действительно служение, которое было выстрадано нашим жизненным опытом. Как говорил святитель Феофан Затворник: «Зажечь может только тот, кто сам горит».

Нынешняя молодежь не идет в храмы, потому что ей кажется, будто Церковь обращена в прошлое. Это одна из причин. Но я хочу обратить внимание на слова апостола Павла из его Послания фессалоникийцам, которое читают во время отпевания. Мы не слышим самого вопроса, но его можно понять из ответа апостола. Он утешает христиан, обеспокоенных тем, что они могут не успеть умереть до второго пришествия: «Мертвые воскреснут первыми, а потом и мы купно с ними на облацех восхищены будем». Тогда христиан волновало то, что они могут не успеть умереть до второго пришествия, сегодня я не встречал ни одного такого человека.

Сегодня молодых людей, рвущихся вперед, спешащих жить, тянет к восточным практикам. Во-первых, потому что это далеко, не совсем понятно, и сознание легко дорисовывает тот образ, какой хочется. Еще Геродот говорил, что самые удивительные вещи находятся на краю Ойкумены. А если бы кто-то пожил по-настоящему в буддистском монастыре, то быстро бы оттуда сбежал. А второй притягательный момент – это обезличенность абсолюта. А это очень хорошо согласуется с той объективной точкой зрения, которую предлагает современная наука. Поэтому сегодня человеку, воспитанному в современном европейском контексте, гораздо труднее принять концепцию личности Бога, чем принять идею абсолюта и космического поля.

Но почему Ветхий Завет так настаивал на личности Бога? Потому что только с личностью можно вступать в личностные отношения, и только это нас делает личностями по-настоящему. Известный религиозный философ Мартин Бубер замечательно об этом сказал: «Главное в Ветхом Завете не то, что Бог открылся как абсолют и Бог над всеми богами, а то, что Он открылся как личность. Вся история Израиля проходит как опыт общения с личным Богом». И действительно, образ брака, пира – образ самых тесных межличностных отношений. А когда Бог воплотился, то стало возможно общение лицом к лицу. Почему христианство так быстро распространилось? Потому что, приходя в храм, человек стал ощущать себя не просто одним из многих, а личностью, которая Богу интересна. И вся его жизнь с грехами и радостями стоит между ним и Богом и определяет его будущую жизнь.

А сегодня получилось так, что наша европейская культура пронизана этим переживанием личности, и кажется, что это само собой разумеется и Церковь не нужна. Но мы являемся личностями только в той мере, в какой вступаем в отношение с Богом. И только это придает нам абсолютную значимость.

С [протоиереем Кириллом Копейкиным](#) беседовал [Игорь Зыбин](#)
29 / 04 / 2010

Храм святых апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете был освящен 29 июня 1837 г. Церковь расположена в трехкупольном зале по восточному фасаду главного корпуса университета. Первым настоятелем был определен протоиерей Павел Солярский. Приход Петропавловского храма составляли «казеннокоштные» студенты, преподаватели, все должностные лица, состоявшие при университете, жители соседних домов.

В 1919 г. храм был закрыт, а имущество изъято. В советское время в храме сначала размещался студенческий клуб, а потом была устроена аэродинамическая труба.

В 1990 г., после посещения храма митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (впоследствии Патриарх Московский и всея Руси), более тысячи человек, включая выдающихся ученых, подписались под обращением к ректору университета о восстановлении в храме приходской жизни.

В 1996 г. настоятелем храма был назначен выпускник физического факультета университета, секретарь Ученого совета Санкт-Петербургской духовной академии, кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, протоиерей Кирилл Копейкин. В помещении храма еженедельно стали совершаться молебны и акафисты. Сначала на службу приходило не более десяти человек. Потом по субботам раз в месяц стала совершаться Божественная литургия, были изготовлены переносной престол и жертвенник, разборная солея. Верующих стало собираться все больше и больше. Силами православной общины собирались материалы для прославления последнего настоятеля университетского храма протоиерея Владимира Лозина-Лозинского; они были поданы в Комиссию по канонизации РПЦ, и в 2000 г. священномученик Владимир был прославлен в лике святых. В 2002–2003 гг. в храме был произведен косметический ремонт, в ходе которого алтарь был освобожден от хранившейся там музейной утвари, заменены несущие конструкции алтарной части, открыты проемы диаконских дверей, восстановлена перегородка, отделявшая алтарное пространство от ризницы, воссоздана солея, изготовлены новый престол и жертвенник. Богослужения стали совершаться по воскресным и праздничным дням, приход стал организовывать паломнические поездки, которые помогли создать атмосферу подлинного духовного единения. Большую аудиторию собирали регулярно проводившиеся в храме лекции и семинары, посвященные проблемам соотношения науки и религии. В 2007 г. храм торжественно отпраздновал свое 170-летие. Осенью юбилейного 2007 г. прошел круглый стол «Как мы дошли до жизни такой» с участием священнослужителей – выпускников университета; приходом совместно с Музеем истории университета была проведена конференция «Храм Духа в храме науки». В 2010 г. был создан Научно-богословский центр междисциплинарных исследований, который возглавил настоятель университетского прихода протоиерей Кирилл Копейкин.